

Министерство культуры Российской Федерации
Российский этнографический музей

ВЕЩЬ В ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

Материалы Семнадцатых Международных
Санкт-Петербургских этнографических чтений

Санкт-Петербург
2018

И. В. Стасевич
Юрта в современной киргизской культуре

Стасевич Инга Владимировна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (С.-Петербург), отдел этнографии Центральной Азии, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук; stinga73@mail.ru

В докладе рассматривается роль юрты в современной культуре киргизов. Основным источником исследования стали полевые материалы автора, полученные в ходе этнографических экспедиций в Киргизию. До настоящего времени юрта является для киргизов «живым» предметом, активно используемым как в повседневных, так и в обрядовых практиках. Несомненно, она может являться одним из символов этнической идентичности. Однако современные киргизы рассматривают юрту скорее как особый символ кочевой культуры в целом, что, в свою очередь, проявляет себя в процессе конструирования национальной истории в рамках общей истории кочевого мира Евразии.

Ключевые слова: юрта, кочевники, киргизы, традиция, этническая идентичность.

Процесс конструирования национальной истории, который активизировался в Киргизстане с начала 90-х гг. XX в., после обретения страной политической независимости, повлек за собой создание новых и актуализацию старых национальных символов, среди которых свое место заняло и традиционное кочевое жилище — юрта (*боз уй* — кирг.). Юрта, как в традиционном, так и в современном сознании киргизов, ассоциируется с такими понятиями как дом, очаг, являясь, по сути, сосредоточением представлений о единстве семьи, рода, народа и нации. На государственном флаге Киргизской Республики изображен *тундук* — купольный круг юрты, в качестве образа юрты и объединяющего начала. Не останавливаясь на многозначности символического значения юрты в традиционных кочевых культурах, поскольку эта тема достаточно хорошо изучена этнографами¹, но, опираясь на современные полевые материалы, в этом докладе рассмотрена специфика ис-

пользования юрты, а отчасти и образа юрты в современной повседневной и обрядовой культуре киргизов².

До настоящего времени Киргизия остается сельскохозяйственной страной, что, в свою очередь, способствует сохранению традиционной системы ведения хозяйства. Большая часть скота находится на круглогодичном выпасе. Основным жильем давно стал стационарный дом с приусадебным участком, который часто кроме кошары включает сад, огород, сеновал. Однако на летнее время основная часть скота отгоняется в горы, на летние стоянки. Выпасают скот либо члены семейно-родственной группы, а часто целые семьи, либо нанятые сезонные пастухи, которые также зачастую отправляются на летние пастбища со своими семьями, включая и детей.

В беседе с информантами, которые работают за пределами своей исторической родины, в том числе и в России, часто можно услышать высказывание о том, что каждый киргиз должен хотя бы раз в несколько лет побывать дома, в Киргизии, увидеть горы, пожить у родственников на летовке, в юрте, попить кумыса, поесть «настоящего» мяса. Родина ассоциируется у большинства опрошенных с возвращением не в городскую среду, а с жизнью на летних пастбищах, ориентированной на традиционный уклад.

Традиционными остаются конструкция юрты, декор и деление внутреннего пространства жилища, однако место очага прочно заняла печь-буржуйка.

Элементы внутреннего оформления юрты можно увидеть и в современных стационарных домах. Несмотря на то, что условия жизни, быта, организация интерьера претерпели значительные изменения, практически в каждом киргизском доме сохраняется отдельная комната, обычно гостиная, оформленная в национальном стиле. Такая комната называется «*кыргыз үй*» и в современной культуре является своего рода материальным отображением самоидентификации этноса. Интерьер *кыргыз үй* перекликается с оформлением пространства юрты: на полу лежат войлоки, ковры (редко заменяемые покупными, китайского и турецкого производства), постилочные коврики для сидения гостей *кёрпё-тушоки*, выполненные в традиционном стиле, имеются низкий столик (заменивший традиционный *дасторхон*), а также сундуки или специальные подставки *джук-тахта* со сложенными на них войлоками, коврами, одеялами, постилочными ковриками, подушками. В этой комнате во время проведения тоев (семейных торжеств) и на поминках рассаживают самых почетных гостей и аксакалов, проводят основные домашние обряды. Если в семье есть старинное вышитое настенное панно *тушкииз*, то

его обязательно вешают на стене как символ женщин семьи и ее исторической памяти. Именно *тушкииз* считается наиболее семантически нагруженным предметом интерьера³. Информанты так говорят про такую комнату: «Для нас эта комната, кыргыз үй, как маленькая юрта, здесь все по традиции делаем, это хорошо, старикам нравится, уважение семья заслуживает, которая гостей в такой комнате встречает»⁴.

Юрту можно купить у местных мастеров-деревообработчиков, которые специализируются на изготовлении деревянного остова; войлочные покрышки и текстильные элементы интерьера традиционно изготавливают женщины. Как правило, это семейное дело, навыки работы передаются из поколения в поколение. Некоторые семьи хранят старинные юрты, сделанные еще в 30–40-х гг. XX в. Семьи, у которых нет своих юрт, берут их в аренду у односельчан, особенно это практикуется на обрядовых мероприятиях.

Юрта активно используется во всех обрядах жизненного цикла, но больше всего она востребована во время погребально-поминальных церемоний. Её устанавливают для покойного во дворе дома, иногда рядом ставится и вторая юрта для скорбящих женщин и плакальщиц. Зафиксирована традиция, когда на юрту, где лежит тело покойного, крепят его портрет (фотографию в рамке). Эта практика в последние годы активно осуждается представителями официальных мусульманских институций. Тем не менее многие киргизы стараются ей следовать, рассматривая ее как часть «обычая предков», унаследованного от старшего поколения. Информанты, по крайней мере, в Прииссыккулье, отмечают, что установка юрты для покойного — действие «более правильное и традиционное», чем нахождение тела умершего в доме.

Образ юрты прослеживается и во многих типах надмогильных конструкций середины — второй половины XX в. В 70-х гг. XX в. в Прииссыккулье получил распространение тип надмогильного памятника в виде сварного металлического каркаса юрты. Большая часть зафиксированных нами памятников установлена над женскими захоронениями. Возможно, эта практика связана с обычаем маркировки женских могил частями деревянного каркаса юрты, распространенного у киргизов и казахов в XIX — начале XX в.

Во время свадьбы тоже ставят юрты. Такой пример нами был зафиксирован в Алайской долине, где юрта была возведена для жениха на время обряда *кыз узатуу* (букв. — «проводы девушки»). Однако, юрты во время проведения свадебных торжеств или по случаю обряда обрезания долгожданного сына устанавливаются

значительно реже, чем на похоронах, и в большей степени служат для приема многочисленных гостей и обрядовой трапезы.

Обычной практикой в Киргизии является использование юрты в качестве пункта общественного питания, а в селе — чайханы для общественных посиделок, прежде всего мужских⁵.

Киргизия как экологически чистый регион привлекает туристов со всего мира. Большой популярностью пользуется туры с национальным колоритом, включающие проживание в юрте, употребление традиционной пищи, конные походы и т.п. Жизнь в юрте, ориентированная на традиционный уклад, стала своеобразным брендом развивающейся в Киргизии туристической сферы.

Подводя итоги, можно сказать, что современная киргизская юрта — это «живая» вещь, активно функционирующая как в повседневной, так и в обрядовой жизни, она не стала частью фестивальной или сценической культуры. Несомненно, она может являться одним из символов этнической идентичности, участвующим в формировании собственного образа этнической культуры. Однако современные киргизы рассматривают юрту скорее как особый символ кочевой культуры в целом, что, в свою очередь, проявляет себя в процессе конструирования национальной истории в рамках общей истории кочевого мира Евразии.

¹ Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. С 296; Махова Е. И. Материальная культура кыргызов как источник для изучения этногенеза // ТКАЭЭ. Фрунзе, 1952. Т. III; Шаханова Н. Ж. Мир традиционной культуры казахов. Алматы, 1998; Алымбаева Б. Юрта киргизов в прошлом и настоящем // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000; Кочкунов А. С. Жилище в системе традиционной похоронно-погребальной обрядности кыргызского народа // ЭО. 2008. № 5. С. 144–159 и др.

² В статье использованы полевые материалы, полученные в ходе этнографических экспедиций И. В. Стасевич и Л. Ф. Поповой в Киргизию в 2011, 2012, 2013, 2016 гг.

³ Стасевич И. В. Динамика развития современного декоративно-прикладного творчества кыргызов (теоретический и практический аспекты) // Лавровский сборник: Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг.: Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2015. С. 492–493.

⁴ ПМА. 2012–2016.

⁵ Попова Л. Ф., Стасевич И. В. По следам предшественников, открывая новые пути (Результаты экспедиций петербургских этнографов в Киргизию 2011–2012 гг.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2014. Вып. 14. С. 156.

UDC 398.34

I. V. Stasevich

Yurt in Modern Kyrghiz Culture

Stasevich Inga Vladimirovna, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), the Department of Central Asia, senior researcher, Ph.D. (History); stinga73@mail.ru

The paper examines the role of *yurt* in modern Kirghiz culture. The main sources of study are the author's field materials collected in course of ethnographic expeditions to Kirghizia. For Kirghiz yurt is "living" object actively used in daily and ritual practices up to present time. It can be undoubtedly one of the symbols of ethnic identity. However, modern Kirghiz consider yurt to be rather specific symbol of nomadic culture in general which is in turn manifests in the process of constructing national history within the framework of a common history of the nomadic world of Eurasia.

Key words: yurt, nomads, Kirghiz, tradition, ethnic identity.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ: АКТУАЛЬНОСТЬ ТРАДИЦИЙ

МАТЕРИАЛЫ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬИХ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Санкт-Петербург
2024

Л.Ф. Попова

Юрта как часть приданого невесты в традиционной культуре казахов

Попова Лариса Федоровна, Российский этнографический музей (Санкт-Петербург), отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана, заведующая отделом, rem_larisa@mail.ru

До начала XX в. юрта являлась важнейшей составной частью приданого казахской невесты. При наличии своей юрты женщина была более самостоятельной в случае полигамии мужа, а ее дети гарантированно наследовали часть приданого. В отдельной юрте невестке было легче соблюдать обычай избегания свекра и старших родственников мужа. Свадебная юрта изготавливалась брачующимися сторонами на паритетных началах: у казахов сторона жениха доставляла чаще всего войлочные покрышки, а сторона невесты – деревянный каркас. Несмотря на это женщина по нормам обычного права считалась собственницей юрты и в ряде случаев после расторжения брака могла забрать юрту с собой. Нарядная свадебная юрта, облик которой документирован слабо, являлась временным жилищем молодой семьи – она заменялась более просторной и практичной. Однако следует поставить вопрос о выявлении культурных механизмов этой замены.

Ключевые слова: казахи, свадьба, невеста, приданое, юрта.

Калым и приданое являлись основными предметами казахского обычного права в сфере брачных отношений. Эти обычно-правовые нормы, хотя и перешли сегодня в обрядо-

вую сферу, сохраняют в казахском обществе экономическую, социальную и культурную значимость. Данное обстоятельство в большой мере стимулирует научный интерес к этим категориям, особенно в контексте влияния других правовых систем – мусульманской (шариата) и государственной. В ряде работ недавнего времени, вновь было актуализировано положение о том, что в Средней Азии калым являлся главным источником для подготовки приданого и, тем самым, экономической базой новой семьи¹. Таким образом, говорить о калыме как плате за невесту не приходится.

В отличие от социальных аспектов этнографические характеристики приданого (состав, морфология и семиотика компонентов) пока остаются поверхностными. Для их углубления необходимо применение более сильной «оптики» – сравнения известных вариантов, выявления противоречий в своде данных и причин их появления, проведение кросс-культурного анализа, привлечение вещевых и фотографических музейных памятников, архивных материалов². Целью настоящего доклада является рассмотрение свадебной юрты как важнейшей части приданого в казахской традиции XIX – начала XX в.

Одно из описаний приданого казахской невесты дано И.А. Козловым: *«По уплате женихом должного калыма родители невесты обязаны озаботиться о немедленной выдаче ему его невесты с приличною для нее кибиткою, называемой утау, с особым головным убором, носимым киргизкою в первое время ее замужества и называемым саукеле, с приличною постелью, – по киргизски, тусек-орын, с порядочною лошадью под верх, с более или менее соразмерным количеству туй-мала, числом верблюдов и лошадей, и с большим или меньшим количеством носильного платья и вещей для убранства в кибитке...»*³.

Закономерно, что юрта в данном перечне поставлена на первое место, поскольку от ее наличия зависело устройство семейной жизни новобрачных. К сожалению, свадебной юрте *отау* посвящена только одна работа⁴.

По обычаю, женатый сын сразу после свадьбы выделялся отцом из родительского дома и получал *инчи* – долю семейной собственности. Это имущество вкупе с приданным жены и

составляло экономическую основу новой семьи. Выделенный сын перемещался в юрту, привезенную из дома тестя, становясь ее хозяином. Случалось, что из-за неладов с отцом сын без его разрешения уходил невыделенным, лишаясь при этом права на инчи. В таких обстоятельствах он начинал самостоятельную жизнь, пользуясь только приданым жены. «Дай мне жену или инчи»⁵, – требовал от отца непокорный сын.

Наличие своей юрты имело для невестки ряд больших преимуществ. При наличии у мужа нескольких жен те из них, кто обладал собственной юртой, могли пользоваться известной свободой в ведении хозяйства. Также в этом случае приданое как неотчуждаемая собственность наследовалось детьми только этой жены; уровень же конфликтности при таком дисперсном расселении семьи снижался. Как резюмировал А.И. Левшин, *«сколько бы жен киргиз не имел, всякая из них при малейшем его недостатке живет в особой кибитке или юрте; потому-то и полагается правилом, что невеста должна в приданом своем непременно иметь кибитку»*⁶. В середине XIX в. Н.И. Красовский фиксировал, что муж никогда не смешивал приданое своих жен, избегая семейных раздоров и дурной славы «похитителя жениного приданого»⁷. Кроме того, при наличии отдельной юрты невестке легче было соблюдать обычай строгого избегания свекра и старших родственников мужа, влекущий за собой множество запретов.

В случае, если у невесты не было юрты, молодые селились в юрте отца жениха на ее левой (гостевой) половине за занавесом, где и жили до тех пор, пока отец не выделял сына. Отсутствие юрты у молодухи могло быть связано с бедностью ее семейства, а так же с тем, что жених по какой-то причине решился на похищение невесты без приданого. Отец жениха зачастую мог предоставить юрту молодой семье⁸, включив ее в реестр инчи.

Вопрос об устройстве свадебной юрты *отау* освещен явно недостаточно. По имеющимся данным⁹, ее отличал небольшой размер, белые покрывки и богатое убранство.

Как известно, стороны невесты и жениха формировали свадебную юрту на паритетных началах. Приезжая за невестой в назначенный тестем день, жених привозил с собой допол-

нительную выплату скотом *той-мал* – размер ее должен был соответствовать приданому¹⁰, – различные подарки и белые войлочные покрывала для юрты. Согласно источникам, жених привозил либо все покрывала¹¹, либо только верхние¹², либо четыре покрывала из семи¹³, либо, помимо покрывал, еще дверные косяки босага и купольный обод *шангарак*¹⁴. Интересно свидетельство о том, что когда жених привозил покрывала, сторона невесты начинала нашивать на них «вырезанное разными фигурами сукно разных цветов, которое невеста заготавливает заранее»¹⁵. Эта форма взаимодействия трактована Х.А. Аргынбаевым как символ утверждения права мужчины на жилище при переходе к патрилокальному браку¹⁶. Представляется, что этот переход произошел очень давно, и его результатом к началу XX в. могла бы стать полная собственность мужчины на юрту. Однако в значительной части тюркского кочевого мира этого не произошло. Так, например, у северных киргизов жених также привозил часть юрты, но это был деревянный остов¹⁷. У узбеков-карлуков остов юрты и войлоки приобретал жених, а сторона невесты давала дверной занавес, тесьмы и веревки¹⁸. Учитывая то обстоятельство, что женщина в ряде случаев при разводе могла забрать юрту и приданое, в этом обычае скорее следует усматривать идею породнения сторон и дарообмена между ними.

Основная функция свадебной юрты – проведение в ней заключительных брачных церемоний, поскольку молодые должны были стать мужем и женой именно в *отау*. Однако не всегда это было так. Вследствие того, что процесс подготовки приданого и юрты *отау* начинался только после доставки женихом выплаты *туй-мал*, жених мог ожидать «получения» невесты около месяца. В то же время с брачной ночью можно было не откладывать – согласно Н.И. Гродекову, она происходила в юрте тестя¹⁹.

В ауле жениха свадебную юрту устанавливали подле юрты его отца. Облик отау документирован слабо, поэтому большую ценность имеет сообщение Ч.Ч. Валиханова: «Внутри богатые кайсаки юрту украшают шелковыми ташкентскими материями; такие чистые юрты обыкновенно изготавливаются в

приданое дочери и называются утау, их не выставляют зимой, чтобы не задымить, а можно видеть только летом и то [ставят их только] для дорогих гостей. Средняя цена юрты такого достоинства от 200 до 400 баранов»²⁰.

Следовательно, молодой семье к осени следовало приобрести другую юрту – большего размера, с серыми покрышками. Скорее всего, она приобреталась новой семьей при помощи родственников. Анализируя источники, складывается впечатление, что юрта в приданом и в дальнейшей жизни семьи зачастую была одна и та же. Так, Н.И. Красовский пишет: *«Полная юрта средней величины, с кошмами серого цвета, стоит киргизу рублей 100, много 150, следовательно, заготавливать для каждой из выходящих замуж дочерей такую юрту не отяготительно, если только умно распорядиться получаемым калымом»²¹.* Для сравнения: интересно, что киргизы могли не хранить свадебную юрту, а включали ее элементы по магическим соображениям в состав нового, более просторного жилища²².

С точки зрения стратегии казахской семьи в отношении владения юртами интересны следующие данные: *«Между юртами различаются два типа: торгоутская – имеющая форму конуса, и киргизская – куполообразная. Первая менее устойчива. Она выставляется в ауле для гостей и для выделенных сыновей. Обладание большим количеством юрт, и притом разных типов, – гордость киргиза»²³.* Это сведение вызывает много вопросов. Например, если торгоутскую юрту выставляли для женатых сыновей, то могла ли она являться свадебной. Исследователь М.С. Муканов указывает, что такой тип юрты считался непрестижным²⁴. Тогда закономерно возникает вопрос: почему ее ставили для гостей? Возникающие вопросы говорят о сложности феномена приданого казахской невесты, и в частности, входящей в него свадебной юрты. Несомненно, изыскания в этом направлении необходимо продолжить.

В заключение отметим, что предметная сфера приданого казахской невесты связана с широким кругом архаичных представлений и норм, и поэтому представляет большой интерес как семиотическая система.

¹ Абашин С.Н. Калым и махр в Средней Азии: право или ритуал? // Отечественные записки. – 2003. – № 5. – С. 428.

² Пример такого подхода см.: Попова Л.Ф. Украшение лошади невесты в традиционной культуре казахов // Казахский исторический журнал. – 2024. – № 2 (2). – С. 180–203.

³ Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой киргизской орде силу закона // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Казань, 1871. – Вып. II. – С. 177–178

⁴ Фиельструп Ф.А. Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии. – Л., 1926. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 111–122.

⁵ Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1: Юридический быт. – Ташкент, 1889. – С. 43.

⁶ Материалы по казахскому обычному праву / Под ред. Юшкова С.В. – Алматы, 1948. – Сб. I. – С. 26.

⁷ Красовский Н.А. Область сибирских киргизов. – СПб.: Главное управление Генерального штаба, 1868. – Ч. 3. – С. 48.

⁸ Гродеков Н.И. Указ. соч. – С. 47.

⁹ Фиельструп Ф.А. Указ. соч.

¹⁰ Статус этой части выплаты стоит подчеркнуть особо: именно после ее внесения брак вступал в силу; после этого, даже если невеста умирала, жениху вручалось приданое, и он в статусе вдовца уезжал домой. Однако у казахов существовала и такая норма: если невеста умирала бездетной, ее приданое возвращалось родителям. В связи с этим возникает вопрос о необходимости перемещения приданого из одного дома в другой.

¹¹ Ибрагимов И.И. Этнографические очерки киргизского народа // Русский вестник. – 1878. – № 9. – Т. 137. – С. 39.

¹² Материалы по казахскому обычному праву. – С. 176.

¹³ Леваневский М.А. Очерки киргизских степей (Эмбенского уезда) // «Землеведение», 1895. Кн. 2. – С. 78.

¹⁴ Гродеков Н.И. Указ. соч. С. 66.

¹⁵ П. Обычаи киргизов Семипалатинской области // Землеведение. – 1895. Кн. 2. – С. 78.

¹⁶ Аргынбаев. Свадьба и свадебные обряды у казахов в прошлом и настоящем // Советская этнография. – 1974. – № 6. – С. 72.

¹⁷ Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века / Отв. ред. Б.Х. Кармышева, С.С. Губаева. М.: Наука, 2002. – С. 33.

¹⁸ Шаниязов. Узбеки-карлуки. – Ташкент: Наука, 1964. – С. 146.

¹⁹ Гродеков Н.И. Указ. соч. – С. 67.

²⁰ Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в 5 т. – Алма-Ата, 1964. Т. 1. – С. 189.

²¹ Красовский Н.А. Указ. соч. – С. 34.

²² Алымбаева Б. Юрта киргизов в прошлом и настоящем // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Г.П. Васильева. – М.: Наука, 2000. – С. 101.

²³ Маковецкий П. Юрта (летнее жилище киргиз) // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. XV, вып. III. – Омск, 1893. – С. 10.

²⁴ Муқанов М.С. Виды переносного жилища казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. Г.П. Васильева. – М.: Наука, 2000. – С. 89.

UDC 392.4+347.626.7

L.F. Popova

Yurt as Part of the Bride's Dowry in the Traditional Kazakh Culture

Popova Larisa Fedorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, Head of the Department, rem_larisa@mail.ru

Until the beginning of the XX century, the yurt was the most important component of the dowry of the Kazakh bride. With her own yurt, the woman was more independent in the case of her husband's polygamy, and her children were guaranteed to inherit part of the dowry. In a separate yurt, it was easier for the daughter-in-law to observe the custom of avoiding father-in-law and husband's older brothers. The wedding yurt was made by the marrying parties on a parity basis: among the Kazakhs, the groom's side delivered, most often, felt tires, and the bride's side – a wooden frame. Despite this, according to the norms of customary law, the woman was considered the owner of the yurt and in some cases, after the dissolution of the marriage, she could take the yurt with her. The elegant wedding yurt, whose appearance is poorly documented, was the temporary home of a young family – it had to give way to a more spacious and practical

yurt. However, the question should be raised about identifying the cultural mechanisms of this substitution.

Keywords: Kazakhs, wedding, bride, dowry, yurt.

Министерство культуры Российской Федерации
Российский этнографический музей

ВЕЩЬ В ТРАНСЛЯЦИИ ЭТНИЧНОСТИ

Материалы Семнадцатых Международных
Санкт-Петербургских этнографических чтений

Санкт-Петербург
2018

Л. Ф. Попова

**Праздничный женский костюм казахов
Мангистауской обл. (по материалам
полевых исследований 2018 г.)**

Попова Лариса Федоровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии народов Средней Азии, Казахстана, Кавказа, заведующая; rem_larisa@mail.ru

В статье рассматривается современный праздничный женский костюм казахского рода Адай (Мангистауская обл.) как феномен культуры с ярко проявленной этничностью. «Казахское» в костюме маркируется при использовании знаковых средств разных культурных периодов — это, во-первых, адаевские, старинные, «эталонные» предметы (или их реплики), а во-вторых, покупная одежда со стилизованным орнаментальным декором (общеказахским/адаевским), испытавшим влияние эстетики анимации и театра. Сохранение базового строя традиционного женского костюма, аллюзии на фактуру излюбленных казахами тканей и других материалов, следование привычным линиям кроя одежды и приемам орнаментации — позволило дизайнерам создать на очередном этапе истории Казахстана новый «традиционный» костюм.

Ключевые слова: Мангистауская обл., казахи рода адай, женский праздничный костюм.

В августе 2018 г. автор приняла участие в этнографической экспедиции в Мангистаускую обл. Республики Казахстан, организованной Мангыстауским музеем-заповедником в рамках государственной программы «Рухани жаңғыру» («Нематериальное культурное наследие»)¹. Одним из направлений в ее исследовательской работе стал проект «По следам Рихарда Карутца. 100 лет спустя».

Рихард Карутц — немецкий этнограф, написавший по материалам двух своих экспедиций книгу «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке»². Опираясь на сведения ученого, экспедиция старалась выявить в современной культуре казахов рода Адай, основного населения Мангыстауской обл., ее традиционную составляющую. В связи с этим пристальное внимание было уделено женскому ко-

стиюму как сфере, в которой этничность проявляется особенно ярко. В первую очередь изучался костюм жительниц сельской местности, пока менее подверженный нивелирующим влияниям глобализации³.

Облик женского адаевского костюма, который ныне считается традиционным, сформировался в русле общей этнической традиции в конце XIX в. В его состав входило платье *койлек*; штаны *дамбал*; камзол — длиннополая или короткополая распашная приталенная одежда; головной убор и обувь. Обязательным аксессуаром были украшения, которые на Мангышлаке отличались крупными размерами и геометрической четкостью формы. Этот строй костюма сохраняется и сегодня, несмотря на то, что предметы одежды уже не шьют дома, а приобретают в торговой сети. Наиболее популярный силуэт платья *койлек* — свободный, прямой, с длинным рукавом, значительной длины. В отношении рисунка предпочтение отдается цветочным композициям, что вполне соответствует традиции. Цвет платья, как маркер принадлежности женщины к той или иной возрастной группе, сохраняет свою знаковость. Например, пожилые женщины выбирают платья светлых тонов, а те из них, что вернулись на историческую родину из Ирана, носят белую одежду.

На Мангышлаке, как и по всему Казахстану, доминантой праздничного костюма является тот или иной вид приталенной одежды (тип камзола) — длиннополый *беишет* с длинным рукавом или короткополая безрукавка *кажекей*, разнообразные виды которой представлены в магазинах одежды в национальном стиле. Современные средства коммуникации, и в первую очередь Интернет, открывают доступ к обширному полю информации не только об имеющихся в продаже моделях, но и о модных тенденциях в их изготовлении. Примечательно, что тексты сайта зачастую акцентируют внимание на элементах одежды, которые следует воспринимать как казахские. Первое место среди них занимает орнаментальный декор. Как следствие, именно обильно декорированная *кажекей* выступает в качестве яркого маркера казахской этничности. Узоры вырезаются по лекалу из блестящих тканей, имитирующих парчу, и пришиваются зачастую вместе со стразами и пайетками. Варианты орнамента на камзолах крайне разнообразны — от традиционных роговидных завитков до абстрактно-геометрических композиций, воспринимаемых как казахские в силу своего культурного контекста.

Для казахов-адаевцев орнаментальное искусство составляло важнейший компонент стиля культуры, определявший своеобразие предметного мира этой родовой группы. В орнаментальном фонде адаевцев особое место занимали геометрические, s-образные и спиралевидные мотивы. Современные казахские дизайнеры, творчески интерпретируя это наследие, создали его новую версию, приложенную

к современным формам женского костюма. В их трактовке традиционные элементы образуют самые разные варианты композиций, что придает неповторимый облик каждой вещи. Следует отметить, что изучение предпочтений в области «этнического» дизайна должно опираться на междисциплинарные подходы, а именно на сочетание этнографического описания и искусствоведческого анализа, знакомство с авторской творческой кухней. Однако же подобные методики еще слабо разработаны.

Помимо орнамента общим знаком казахской этничности в одежде является материал, а именно ворсистые ткани, ассоциируемые с пливсом, бархатом, плюшем — представляющими наибольшую ценность сортами ткани, особенно на западе Казахстана. В настоящее время в качестве материала для безрукавок *кажекей* используется и фетр, который хорошо держит форму и подходит для нанесения модного прорезного ажурного декора.

Одежда типа камзола включает еще один элемент, воспринимаемый как национальный — это застёжки *эльгек*, *капсырма*, которые обычно располагаются на талии⁴. Некогда заимствованная у татар вместе с узкой приталенной одеждой, двухчастная застёжка уже в конце XIX в. приняла у этнолокальных групп казахов оригинальные формы. Эта эффектная деталь обычно располагается на талии. Адаевцы традиционно предпочитают крупные застёжки, отвечающие общему стилю украшений Мангышлака.

Способы ношения женского головного убора определены рядом факторов, в том числе возрастом. Основным видом головного убора является платок, который женщины старших возрастных групп в сельской местности носят обязательно. Для праздничных случаев подходит большой платок белого цвета, который складывают по диагонали, завязывая концы на затылке крупным узлом. Некоторые пожилые женщины предпочитают платки с кистями. В пос. Шетпе зафиксирован факт ношения платка вместе с подбородочным покрывалом как подражание старинной форме головного убора.

Молодые женщины среди казахов-адаевцев еще в 1980-е гг. носили платки с вышивкой, располагавшейся в виде зубчатой полосы по краям и в центре. Вышивка выполнялась двусторонней гладью зелеными, красными, желтыми хлопчатобумажными нитками. Такой платок драпировался несколькими складками наподобие маленького тюрбана. В настоящее время этот вид платка продолжает бытовать, его можно встретить на прилавках магазинов национальной одежды. По предварительным данным платки с имитацией традиционной адаевской вышивки изготавливают на предприятиях Турции по заказам местной торговой сети. Другой вариант дизайнерского «адаевского» платка отличает орнамент в технике фотопечати,

однако же его вышитый прототип хорошо узнаваем. Такие платки делают в Алматы. Платок турецкого производства был приобретен для собрания Российского этнографического музея (РЭМ) в целях фиксации способов передачи культурных знаков адаевцев в условиях современного глобального рынка.

В системе адаевского женского костюма, особенно праздничного, по традиции видную роль играют украшения. Во многих семьях сохраняются старинные серебряные вещи: литые парные браслеты, перстни с крупным овальным щитком, штампованные кольца, нагрудные украшения *ониржиек*, накосные подвески. Художественные достоинства этих украшений настолько высоки, что и по прошествии одного-двух столетий они выглядят весьма современно. По-прежнему актуальны представления о сакральной чистоте серебра, высоком статусе серебряных украшений и их благодатной силе.

Традиции старых мастеров продолжают новые поколения ювелиров Мангышлака. Как реплики, так и стилизованные формы старинных украшений пользуются большим спросом, что говорит о ценности самого образа этих предметов и его потенциале в плане манифестации этничности казахов-адаевцев. Примечательно, что выразительный стиль мангышлакских украшений уже в 1970-х гг. был взят за основу для дизайна ювелирных изделий, которые были бы узнаваемы как казахские. Изделия Алма-Атинского завода «Сувенир» поступали в собрание РЭМ до конца 1980-х гг. Этностиль привлек и собирателей XXI в. Так, автором настоящего доклада в 2008 г. были приобретены для собрания РЭМ несколько работ ювелиров г. Алматы, созданных опять же в стилистике адаевских украшений⁵. В ходе экспедиционного исследования нами был зафиксирован процесс изготовления мастером С. Оразовым кольца, вида *отау жузік* с высоким конусовидным щитком. Основными технологическими приемами его работы были вальцовка серебряной монеты, вырезание формы по лекалу, навивание скани, изготовление зерни, пайка.

В заключение отметим, что женский праздничный костюм казахов Магистауской обл. в настоящее время представляет собой элемент сферы бытовой культуры, которая аккумулирует различные формы проявления этничности и играет важную роль в ее визуальном кодировании. Можно выделить два основных способа выражения «казахского» в женском костюме, которые могут непротиворечиво сосуществовать. С одной стороны, это сохранение традиционных «эталонных» адаевских предметов, старинных вещей или их реплик, но всегда штучных. С другой стороны, это массовое внедрение в сфере праздничной обрядности стилизованных дизайнерских форм готовой одежды, порожденных синтезом базового строя казахского

костюма и «анимационного», «театрального» декора, построенного, в частности, на основе элементов старинного орнамента адаевцев. Преимущество традиции в женском праздничном костюме Мангышлака очевидна, но она существует в рамках новой «традиционной» эстетики, созданной на очередном этапе истории Казахстана.

¹ Автор выражает благодарность руководителю проекта Б.И. Нурдаулетовой за приглашение к сотрудничеству и безупречную организацию экспедиционной поездки.

² Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1911.

³ В костюме городских казашек также можно заметить наличие этнических предпочтений, но их определение, требующее специальных методик, не входило в задачи экспедиции.

⁴ Попова Л.Ф. Застежки для камзолов в культуре казахов XIX — XXI в. // Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии: Мат-лы XIX международной научной конференции. СПб., 2016. С. 467–472.

⁵ РЭМ, кол. № 12473.

UDC 39/391

L. F. Popova

The Festive Women's Costume of the Mangystau Region Kazakhs: On the Fieldwork Materials of 2018

Popova Larisa Fedorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Peoples Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, the head of department; rem_larisa@mail.ru

The article considers the modern women's festive costume of the Kazakhs of the Aday lineage (Mangistau region) as a phenomenon of culture with a clearly manifested ethnicity. The "Kazakh" in the costume is marked by the use of iconic means of different cultural periods; first, the Adaev ancient "reference" objects or their replicas, and secondly, the purchase of clothing with a stylized ornamental decor (Pan-Kazakh/Adaevsky), which has experienced the influence of animation and theater aesthetics. Preservation of the basic structure of the traditional women's costume, allusion to the texture of the Kazakhs favorite fabrics and other materials, following the usual lines of tailoring and ornamentation techniques allowed designers to create at the next stage of the history of Kazakhstan a new "traditional" costume.

Key words: The Mangystau Region, the Kazakhs of the Aday lineage, women's festive costume.